

Владимир Короткий

ТЕРМИН «РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ ЛИТОВСКАЯ»
В ПОЛЕМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО
XVI–XVII ВЕКОВ

1569 год стал рубежом в истории четырех народов – белорусского, литовского, польского и украинского, которые жили в государстве Ягайлонов, существовавшем *de facto* уже более ста пятидесяти лет. Люблинская уния осуществила признание этого государства *de jure*. Между тем, рассуждать о том, что образовалось государство «Речь Посполитая обоих народов» либо «Речь Посполитая трех народов» довольно проблематично, поскольку речь идет не о трех и, конечно же, не о двух народах. Уместно ли вообще применять термин «Речь Посполитая» как номинацию отдельного государства? Как известно, данное словосочетание вошло во многие языки как заимствование из польского *rzecz pospolita*. В польском же языке это словосочетание представляло собой точную семантическую кальку латинского термина *res publica*, что значит «общественное дело», т. е. «государство». Так какая же «Речь Посполитая», что за государство под названием «Государство», и государство каких народов появилось на политической карте Европы второй половины XVI века?

На этот вопрос не может дать ответ официальная политическая история государства, написанная с точки зрения одного какого-либо народа. Есть еще история непрочитанная либо подвергшаяся забвению, изложенная в многочисленных памятниках публицистики самых разных народов, населявших

федеративное государство, возникшее в результате Люблинской унии 1569 года. Вот почему не следует сбрасывать со счетов и то, что образованное государство – это империя, но империя довольно своеобразная. Не только польский народ, но и белорусский, литовский, украинский народы видели в ней продолжение своей давней истории.

Откуда же взялось расхожее определение «Речь Посполитая обоих народов»? Скорее всего, оно стало результатом неправильного толкования соответствующего пассажа из предисловия к Статуту Великого княжества Литовского 1588 года, подписанного королем Сигизмундом III, подканцлером Великого княжества Литовского Львом Сапегой и писарем Габриэлем Войной, где говорится: «Мы, господар, знаячы быти повинность нашу, иж есмо тым паньством, на которых нас Пан Бог з ласки и воли своее светое за добровольным обудвух народов (Короны польское и Великого княжества Литовского) обраньем посадити рачил, [...] тот статут права Великого княжества Литовского [...] на вси потомные часы выдаем»¹. Заметим, что словосочетание «обудвух народов» конкретизируется номинациями двух государств (в тексте статута они графически обособлены), однако ничего похожего на выражение «Речь Посполитая обоих народов» здесь не наблюдается.

Современные польские ученые, стремясь устранить очевидное несоответствие выше названного термина реальному числу народов, предложили своё разрешение данной проблемы и, соответственно, новый термин «Речь Посполитая трех народов». Протицируем строки из предисловия Ромуальда Караса ко второму тому издания *Antologia Wileńska*: «Том II *Antologii Wileńskiej* носи nieco szokujący tytuł Rzeczpospolita trzech narodów. Upominamy się tym samym o zapomnianą i niedocenioną Starą Białoruś. Przywołajmy choćby fakt, że język starobiałoruski był

¹ *Статут Вялікага княства Літоўскага 1588*: Тэксты. Даведнік. Каментарыі, Мінск: Беларуская савецкая энцыклапедыя, 1989, с. 42–43.

urzędowym w Wielkim Księstwie Litewskim. Miejsce Białorusi jest obok Rzeczypospolitej Obojga Narodów»². Согласимся с автором: термин «Речь Посполитая трех народов» – действительно, шокирующий, и в первую очередь – для сорокамиллионного народа украинцев, которые оказались вне поля зрения польских ученых, предложивших, с их точки зрения, более компромиссный вариант привычной номинации.

Вернемся, однако, к вопросу генезиса термина «Речь Посполитая» и его смыслового наполнения в период подготовки и принятия Люблинской унии. Это знаменательное политическое событие стало первопричиной динамизации всех слоёв общества Королевства Польского и Великого княжества Литовского. Начался болезненный поиск разными народами своего места в новом государстве, в новой политической ситуации. Белорусские писатели, государственные и политические деятели начинают вырабатывать свой, особый взгляд на идейные и политические приоритеты.

Еще накануне заключения Люблинской унии в трактате *Rozmowa Polaka z Litwinem*³, гражданин Великого княжества Литовского в диалоге с гражданином Польской Короны указывает на наличие бинарной оппозиции в сфере государственно-политической самоидентификации. «Chcemy, – говорит Литвин, – wolności/ w ktoreie[my] z ł[ski] Bożey dawno są/ używać/ ale [w]ey zdawná za[siad]zoney a porz[ad]ney rzeczy po[spolitey] do wá[zej]y przystawiając, [straci]ć nie chcemy»⁴. Как видим, представитель

² *Antologia Wileńska*, t. 2: *Rzeczpospolita trzech narodów*, pod redakcją Romualda Karasia, Warszawa: Oficyna Literatów i Dziennikarzy „Pod Wiatr”, 1997, s. 5.

³ Трактат вышел без указанных места и года издания, предположительно на территории ВКЛ около 1564 г. Судя по подписи (инициалам) под стихотворением *Do Polakow i do Litwy*, автором или одним из авторов этого трактата был Андрей Волан.

⁴ *Rozmowa Polaka z Litwinem, z ktorey thu snadnie każdy obaczyć może, co jest prawa wolność, abo swoboda, y jakoby Unią Korona Polska z Księstwem Litewskim przyjąć miała, przeciw sromotnemu y omylnemu Stanisława Orzechowskiego pisaniu, którym niewinnie sławne Księstwo Litewskie zeżyć chciał, uczyniona*, S.l.: s.n., s.a., s. A² recto-verso.

Великого княжества Литовского обеспокоен тем, чтобы при наличии монарха, венценосной особы, не были утрачены вольности республиканской по сути формы правления его государства, во главе которого стоял великий князь.

Напомним, что это произведение стало своеобразным ответом патриота Великого княжества Литовского на трактаты Станислава Ожеховского *Respublica Polonia* (1543) и *Quincunx to iest Wzór Korony Polskiej na cynku* (1564). В период номинального правления Великим княжеством Литовским (1543–1548) Сигизмунда Второго Августа, когда обострились проблемы взаимоотношений Польской Короны с соседними землями Литвы и Руси, «Ожеховский со слепой гордыней рассуждал о более низком статусе литовской шляхты по сравнению с коронной, мотивируя это более низким статусом княжества по отношению к королевству и делал выпады против восточной церкви»⁵. Видимо, в политических кругах Польской Короны и Великого княжества Литовского в долюблинский период довольно остро обсуждались проблемы политического устройства будущего государства. С точки зрения приверженцев монархической формы правления Станислава Ожеховского, позже – Петра Скарги, высшей степенью свободы было подчинение королю. Политическая элита Великого княжества Литовского, наоборот, связывала наличие «вольностей и свобод» именно с конституционно ограниченной формой правления, которая предполагала наличие Статута как юридического документа, регламентирующего взаимоотношения между представителями всех слоёв общества. Власть короля, с точки зрения Ожеховского, отличалась от власти великого князя тем, что польский король был «помазанником Божьим» через благословение архиепископа. Так, обращаясь к гражданину Великого княжества Литовского

⁵ Julian Krzyżanowski, *Dzieje literatury polskiej*, Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1979, s. 68.

от имени гражданина Польской Короны, Ожеховский пишет: «Nie masz ty żadnej obrony przeciwko zwierzchności księżęcia swego: a ja mam obronę przeciwko królowi swemu – przysięgę jego, uczynioną pod zwierzchnością stanu kapłańskiego!»⁶. Как известно, власть великого князя литовского, напротив, распространялась и на посвящение иерархов в нашем государстве. В *Супрасльской летописи* читаем: «В лето 6924 [1416]. По Божию попущению князь великий Витовть умышливъши ему по своему хотению, собрав епископи руския, иже во области его живущи [...], и теми епископи постави Киеву митрополита Григория болгарани Цамивлика месяца ноября 15»⁷.

Почему Станиславу Ожеховскому была чужда идея великокняжеской демократии, которая представлялась ему формой тирании и рабства? Почему писатель сравнивает власть великого князя с тиранией в Москве, Турции и Валахии? При декларации своих идей об одном короле, одной вере, одном государстве автор *Quincunx'a* совершенно игнорировал фактор полиэтничности и поликонфессиональности Великого княжества Литовского, которое во многом продолжало государственные и культурные традиции Киевской Руси с ее *Русской правдой*, а также Полоцкой и Смоленской Руси, где культ великого князя поддерживался иерархической лестницей «князь – пан-шляхтич». Так и в Великом княжестве Литовском шляхтич (пан) и в социальном, и в материальном отношении был заведомо ниже князя; разные представители привилегированного сословия, таким образом, обладали и разными политическими правами.

Теперь становится очевидно, что политические деятели Польской Короны и Великого Княжества Литовского по-разному

⁶ Stanisław Orzechowski, „Królestwo a księstwo. Wolność polska a niewola litewska“, in: *Antologia Wilenska*, t. 1: *Litwa – Korona*, pod red. Romualda Karasia, Warszawa: Oficyna Literatów i Dziennikarzy „Pod wiatr”, 2000, s. 283–284.

⁷ Полное собрание русских летописей, т. 35: *Летописи белорусско-литовские*, Москва: Издательство «Наука», 1980, с. 55.

представляли себе политическое устройство будущей «речи посполитой» (мы имеем в виду, «государства»). В плане социальном идеологи Польской Короны высшим достижением политического устройства Речи Посполитой Польской считают наличие одного социального сословия, представители которого уравниваются между собой в правах, – шляхты. Ожеховский подчеркивает, что «gównością Polak wszystkie inne królestwa przesiągli; nie masz w Polsce knaziów, grofów ani książąt żadnych; tym jednym słowem: SZLACHTA, wszystek naród i gmin polskiego rycerstwa się zamyka»⁸.

В поэме *Philopatris ad Senatum populumque Lituaniam* (1597), написанной на латинском и польском языках неизвестным автором, польскоязычный текст озаглавлен «Miłośnik Ouczużny do Senatu y Rzeczurospolitey Litewskiej». Как видно, при таком способе перевода отождествляются понятия «народ» и «государство». Это – свидетельство того, что этнонимы, в современной понимании, выступали в роли политонимов в сознании граждан Речи Посполитой XVI века. Именно в этом произведении отражен взгляд философа, политика Речи Посполитой Литовской на своё государство как на полиэтническое и поликонфессиональное. К сенату Речи Посполитой Литовской обращаются представители Вильни, Ошмян, Лиды, затем – Трок, Ковно, Упиты, затем – Жемайтии, а также исконно «русских» княжеств (Полоцкого, Витебского) и воеводств (Киевского, Брестского, Минского) и т. д. Как некогда матерью городов русских называли Киев, так сейчас «Wilno / matka Litewska / stolicą twoją // Państwa»⁹.

Количественной основой, образно говоря, Великого княжества Литовского стала Виленская Русь, которая в плане конфессиональном считала себя наследницей Киевской Руси. Как

⁸ Stanisław Orzechowski, „Królestwo a księstwo. Wolność polska a niewola litewska“, s. 282.

⁹ *Philopatris ad Senatum populumque Lituaniam*, S.l.: s.n., 1597, f. C recto.

некогда Киев, «мать городов русских», стремился подчинить себе Полоцкую, Новгородскую, Черниговскую Русь, так с XIV века в Виленской Руси история Киевской Руси и русинских княжеств стала восприниматься как часть собственной исторической памяти. Так, в упомянутой выше поэме *Philopatris* воеводство Киевское, обращаясь к Вильне, замечает:

Tyś zǎwždy o nas pieczęą miewála / y rzatka
Będźcie tak fwoie dźieci milowála mátká.¹⁰

Вторит ему и Витебское княжество:

Chęci moie ku tobie y serce gotowe /
Mátko miła / wyświadczy plemię Olgerdowe.¹¹

Как видим, новая история Великого княжества Литовского связана не с Рюриковичами, а с Полемоновичами, что существенно меняет государственно-династические, историко-легендарные приоритеты. Рюриковичско-русинская концепция всецело заменяется полемоновичско-литовской. Теперь даже русинские княжества – «племя Ольгердово», а не Рюрика. Родово-государственный номинант «Русь» заменяется новым соответствующим номинантом «Литва». Как некогда русичами в плане территориальном называли себя представители русинских княжеств, так теперь они именуют себя литвинами. Термины государственно-этнической идентификации «Русь», «русский» переходят в разряд конфессионимов. Напомню, что во втором и третьем сводах белорусско-литовского летописания Рюрик даже не упоминается, его место занимает Полемон.

Отметим и тот факт, что именно в этот период государственно-территориальный термин «Русь» трансплантируется исключительно на территорию Московской Руси как правопрее-

¹⁰ *Ibid.*, f. C verso.

¹¹ *Ibid.*, f. Dⁱⁱⁱ [! Cⁱⁱⁱ] recto.

емницы легендарно-исторической концепции происхождения великокняжеской власти от Рюрика.

После Брестской церковной унии, в период обострения чувства самоидентификации народов Великого княжества Литовского белорусско-украинский писатель-полемист Мелетий Смотрицкий в трактате *Verificacja niewinności* отмечает: «Jeśli są prawdziwa Ruś (iakoż mają być y muszą), bo nie iuż zaraz y ze krwi się ten wyradza, kto się w wierze odmienia: nie iuż kto z Ruskiego Narodu Rzymiskiey wiary zostaje, zaraz y z urodzenia Hiszpanem albo Włochem zostawa, Rusin szlachetny po staremu. Nie wiara abowiem Rusina Rusinem, Polaka Polakiem, Litwina Litwinem czyni: ale urodzenie y Krew Ruska, Polska, y Litewska [...] Ruska przezacna krew, o tych czasiech w powierzeniu swym nie ocenione Rzeczypospolitey Litewskiej kleynoty ma, Pieczęć, y Buławę»¹². Следует отметить, что автор *Верификации* не случайно заостряет внимание на «благороднейшей русской крови», представители которой – Ян Кароль Ходкевич и Лев Сапега – занимали должности гетмана и канцлера Великого княжества Литовского. Как видим, уже в XVII веке четко разграничивались понятия «кровь»/«родство» и «страна»/«государство». Белорусы в Великом княжестве Литовском – русины по крови, но литвины по государственной самоидентификации.

Нетрудно заметить, что после Люблинской государственной унии перед нами, фактически, *de jure* – одна «Речь Посполитая» в смысле «одно государство», но *de facto* – два государства, две «Речи Посполитые»: Речь Посполитая Литовская и Речь Посполитая Польская. Как в одной, так и в другой Речи Посполитой присутствует так называемый «русский» элемент. Речь Посполитую Литовскую составляют преимущественно виленские

¹² Meleczusz Smotrycki, *Verificatia niewinności y omylnych po wszytkiey Litwie y Białey Rusi rozśianych, żywot y uczciwe snego narodu ruskiego o upad przyprawić rządzonych nowin...*, Wilno: [Druk Bractwa Św. Ducha], 1621, l. 60.

русины (белорусы) и литовцы, а Речь Посполитую Польскую поляки и киевские русины (украинцы). Таким образом, если и можно говорить о «Речи Посполитой обоих народов», то только в выше изложенном контексте.

О том, что не существовало государства под названием «Речь Посполитая», свидетельствуют хотя бы инскрипции на монетах, картах, портретах, медалях и т. д. XVI–XVII веков. Известно, что Сигизмунд Третий, согласно Статуту 1588 года, имел титул «Король польский, великий князь Литовский, Русский, Прусский, Жамойтский, Мазовецкий, Инфлянтский и т. д.». На золотых монетах барельеф короля Сигизмунда Августа обрамлён инскрипцией «*Sigismundus Augustus, Rex Poloniae, Magnus Dux Lithuaniae*». Термины «Речь Посполитая Польская» и «Речь Посполитая Литовская» использовались как обиходные названия двух частей федерации.

Įteikta 2006 03 24

Priimta 2006 03 28

Vladimir Korotkij

TERMINAS „LIETUVOS RESPUBLIKA“
XVI–XVII AMŽIAUS
LIETUVOS DIDŽIOSIOS KUNIGAİKŠTIJOS
POLEMINĖJE LITERATŪROJE

Santrauka

1569 metai žymi ribą keturių tautų: baltarusių, lietuvių, lenkų ir ukrainiečių, istorijoje. Visos jos gyveno Jogailaičių valdomoje valstybėje, *de facto* jau egzistavusioje daugiau kaip šimtą penkiasdešimt metų. Liublino unija įteisino šitos valstybės pripažinimą *de jure*. Vis dėlto tvirtinti, jog tuomet atsirado „Abiejų Tautų Respublika“ arba net „Trijų Tautų Respublika“ (pastarąjį terminą neseniai ėmė vartoti kai kurie lenkų mokslininkai), yra ganėtinai keblu, kadangi kalbama ne apie tris ir, suprantama, ne apie dvi tautas. Tad galima paklausti, kokia Respublika, kokių tautų valstybė atsirado XVI a. antrosios pusės Europos politiniame žemėlapyje?

Atsakyti į šį klausimą negali oficiali politinės valstybės istorija, rašoma atsižvelgiant į kurią nors vieną tautą. Mat dar esama neperskaitytos ar tiesiog užmirštos istorijos, išdėstytos gausiuose įvairių tautų, gyvenusių toje Respublikoje, publicistikos paminkluose. Dėl šios priežasties nieku būdu negalima apeiti tos aplinkybės, jog naujoji valstybė, t. y. Respublika, buvo kad ir savotiška, bet vis dėlto imperija. Ne tik lenkų nacija, bet taip pat Lietuvos, Baltarusijos ir Ukrainos tautos joje regėjo savo ilgaamžės istorijos tęsinį.

Po Liublino įvykių suaktyvėjo visų Respublikos sluoksnių ir luomų raiška, tautos įtemptai ieškojo sau vietos naujoje valstybėje, įvairūs valstybės veikėjai pradėjo formuoti savitą požiūrį į politinius bei idėjinius prioritetus. Jau Liublino unijos sudarymo laikotarpiu LDK pilietis pokalbyje su Lenkijos piliečiu nurodė, jog valstybinės politinės identifikacijos sferoje esama binarinės opozicijos. „Mes norime laisvės“, – tvirtino Lietuvos, – „kuria Dievo valia seniai džiaugiamės, tačiau, prisijungdami prie jūsų, bijome prarasti savo seną ir garbingą valstybę“ (iš *Lenko pasikalbėjimo su Lietuviu*). Citata akivaizdžiai parodo, kad LDK pilietis baiminasi, jog

valdant karūnuotam monarchui nebūtų prarastos jo valstybės, valdomos didžiojo kunigaikščio, laisvės, iš esmės būdingos respublikai.

Nežinomo autoriaus lotynų ir lenkų kalbomis parašytos poemos *Philopatris ad Senatum populumque Lituaniarum* (1597) lenkiškoji dalis pavadinama „Milošnik Oyczynny do Senatu y Rzeczypospolitey Litewskiey“. Iš šių pavadinimų matosi, jog kuriant poemą sąvokos „tauta“ ir „valstybė“ buvo suprantamos vienodai. Šiuo pavyzdžiu remiantis galima teigti, jog šiaandieniniai etnonimai XVI a. Respublikos piliečių buvo suprantami kaip politonimai. Tuo galima paaiškinti tą 1588 metų Lietuvos Statuto, pasirašyto karaliaus Zigmanto III, LDK pakanclerio Leono Sapiegos ir raštininko Gabrieliaus Vainos, vietą, kurioje kalbama: „Mes, valdovas, žinodami savo prievolę, jog turime valdyti tas valstybes, į kurias mus savo malone bei šviesiąja valia Viešpats Dievas per laisvus abiejų tautų (Lenkų Karūnos ir Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos) rinkimus teikėsi pasodinti, [...] šį Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos įstatymų Statutą [...] visiems ateinantiems laikams išleidžiame“. Atkreiptinas dėmesys, jog frazė „abiejų tautų“ čia sukonkretinama įvardijant dvi valstybes, tačiau visiškai nekalbama apie „Abiejų Tautų Respubliką“.

XVII a. pradžioje poleminių raštų autorius Meletijus Smotrickis traktate *Verifikacija niewinności* pažymi: „Jeigu yra tikrųjų rusėnų (o jų turi ir privalo būti), juk ne iš karto išsigimsta kraujas to, kuris pakeičia tikėjimą: juk nebūna taip, kad jeigu kas iš rusėnų tautos priima Romos tikėjimą, tuojau pat pagal prigimtį jis tampa ispanas arba italias; rusėnas nuo seno yra kilnus. Ne tikėjimas juk lemia, kad rusėnas yra rusėnas, lenkas – lenkas, lietuvis – lietuvis, o rusėniška, lenkiška ir lietuviška prigimtis... Tauriausiasis rusėnų kraujas šiais laikais savo patikimumu yra vertingiausias Lietuvos respublikos brangakmenis, atspaudas ir valdžia“. Būtina pabrėžti, kad *Verifikacijos* autorius visai neatsitiktinai dėmesį sutelkia į „tauriausiąjį rusėnų kraują“: jam atstovavo Jonas Karolis Chodkevičius ir Leonas Sapiega, Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos didysis etmonas ir kancleris. Tad nesunku pastebėti, jog mes čia susiduriame *de jure* su viena valstybe, t. y. su Respublika, o *de facto* – su dviem: Lietuvos Respublika ir Lenkijos Respublika. Tiek vienoje, tiek ir kitoje esama rusėniško „elemento“. Į Lietuvos Respublikos sudėtį įeina daugiausia Vilniaus rusėnai (baltarusiai) ir lietuviai, o į Lenkijos – lenkai ir Kijevo rusėnai (ukrainai). Taigi jei ir galime kalbėti apie Abiejų Tautų Respubliką, tai tik atsižvelgdami į tokį, kaip nurodyta aukščiau, kontekstą.

Vladimir Korotkiy

THE TERM *RESPUBLICA LITHUANA* IN THE POLEMIC
WRITINGS OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA
IN THE 16TH-17TH CENTURIES

Summary

The year 1569 marks a turning point in the history of four nations, i.e. Byelorussians, Lithuanians, Poles and Ukrainians. All of them used to live in a state ruled by the Jagiellon dynasty, which had *de facto* existed already for over 150 years. The Union of Lublin validated recognition *de jure* of this state. Nevertheless, asserting that it is then that the “Republic of Two Nations”, or even “Republic of Three Nations” (the latter term was recently introduced by some Polish scholars) appeared, seems rather tricky, because it is not two or even three nations that we are talking about here. Therefore a question should be asked, what kind of Republic, a state of what nations, appeared on the European political map of the second half of the 16th century?

The official political state history, written with regard to a single nation, is incapable of answering this question. There is considerable history, stated in numerous publicist monuments of various nations, inhabiting this Republic, that had not yet been read or is simply forgotten. For this reason, one cannot by any means avoid the circumstance that the new state, i.e. the Republic, was an empire, although a rather peculiar one. Not only the Polish nation, but also the Lithuanian, Byelorussian and Ukrainian peoples saw it as continuation of their centuries-old history.

After the Lublin events, self-expression of all the social strata and groups of the Republic stirred up, the nations busily seeking their place in the new state, while different political leaders started to shape their own attitude towards various political and ideological priorities. Already in the period of making the Union of Lublin, a citizen of the Grand Duchy of Lithuania, while talking to a Polish citizen noted the binary opposition existing in the sphere of the political self-identification: “We want freedom,” asserted the Lithuanian, “which by will of God we’ve been

enjoying for a long time, but in joining you we fear losing our ancient and glorious state" (from *The Conversation of the Pole with Lithuanian*). This quotation clearly expresses the fear of the citizen of the Grand Duchy of Lithuania that the rule of a sovereign crowned as a king would make his state, ruled by the grand duke, lose its liberties, essentially characteristic of republic.

A poem by anonymous author written both in Latin and Polish is entitled *Philopatris ad Senatum populumque Lituenum* (1597), while its Polish part is called „Milośnik Oyczyzny do Senatu y Rzeczypospolitey Litewskiej“. These titles clearly show the perceived similarity of the concepts “nation” and “state” in the period of composing the poem. This example allows us asserting that the contemporary ethnic names used to be regarded as “political names” by the citizens of the 16th century republic. This could clarify the fragment in the Statute of Lithuania of 1588, signed by the king Sigismund III, the vice-chancellor of the Grand Duchy of Lithuania Leo Sapieha and the scribe Gabriel Woyna, which says: “We, the sovereign, aware of our duty to rule these states, which God, our Lord, by His mercy and will and via the free elections of both nations (the Polish Crown and the Grand Duchy of Lithuania) entrusted us with... issue this Statute of legislation of the Grand Duchy of Lithuania... for all the times to come.” It’s noteworthy that the phrase “of both nations” is concretized by naming two states, yet no mention at all is made here of the “Republic of Two Nations”.

In the beginning of the 17th century, the author of polemic writings Meletius Smotricki in his treatise *Werificacija niewinności* noted: “If there are real Ruthenians (and they ought to exist), the blood of a person changing faith does not degenerate at once, i.e. if somebody from the Ruthenian nation adopts the Roman religion, such person does not immediately become Spanish or Italian by nature; the Ruthenian since ancient times used to be noble. Not the faith determines that Ruthenian is Ruthenian, the Pole is Polish, and the Lithuanian is Lithuanian, but their Ruthenian, Polish or Lithuanian nature... The glorious Ruthenian blood by its faithfulness is today the most precious diamond of the Lithuanian Republic, its impress and power.” It should be noted that the author of *Verification* concentrates his attention on the “noble Ruthenian blood” not accidentally, but because the representatives of this bloodline were John Carol Chodkiewicz and Leo Sapieha, i.e. the great hetmon and chancellor

of the Grand Duchy of Lithuania. Thus, it is easily recognizable that *de jure* we are confronted with one state here, i.e. the Republic, while *de facto* with two, i.e. the Lithuanian Republic and the Polish Republic, both containing the Ruthenian “element”. The Lithuanian Republic comprises mostly the Vilnius Ruthenians (Byelorussians) and Lithuanians, while the Polish Republic comprises the Poles and the Kiev Ruthenians (Ukrainians). Therefore it is possible to speak of the Republic of Both Nations only in the context discussed above.